

84(2=411.2)6 кр

К 24

109928

К.КАРНЫШЕВ

СТРАТЕГИИ

ГОРЬКОГО

Усото!

Възражение ми е на
такава литературна
роля, как
"двестотин век"

и по-късно се
забравява у
литературен
хвостик.

Та добру

наиди

К. Каркович.

24 ноември 1975

**КОНСТАНТИН
КАРНЫШЕВ**

**СЫРАНСАВУЯ
ТОРТОНОСОЮ**

ПОВЕСТЬ

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ 1976

Константин Карнышев известен читателям как автор рассказов о деревне. В 1972 году в Бурятском книжном издательстве вышла его повесть в рассказах «Сугробы».

Повесть «Странствия Горбоносого» — первая часть книги о людях и природе Севера.

К. Карнышева волнует очень важная проблема современности — проблема сохранения природных богатств. Его герои так или иначе сталкиваются с этой проблемой, проявляя при этом и свой характер, и свое мировоззрение. Писатель убеждает нас в том, что человек — это часть природы. А отношение человека к родной природе есть критерий нравственности.

Тему природы автор продолжает и в коротких рассказах.

В ЗАРОСЛЯХ МАРНИКА

Оленуха паслась на ягеле. Потом, проваливаясь в рыхлом снегу, ушла с кормежки. Прислушивалась к шорохам, стуку и щелканью копыт, сердито вздымала рога, если кто-либо из оленей оказывался поблизости. Сейчас она нуждалась в одиночестве. Только глупой птице чего-то надо было здесь. С высокого дерева она пялилась на оленуху. С утра ворона выделила ее в стаде. Хотя была занята собой: залезала клювом под крыло, когтями выскребала из перьев насекомых, а все равно глаз не спускала с оленухи. Перепрыгивала с ветки на ветку, ждала, наверное, поживы: изголодалась за зиму. Теперь и ворона притихла, сложила крылья, крепко зацепившись за ветку, загляделась туда, где на поляне стонала оленуха. Брюхо у нее горой выпучилось на снегу. Перестали пастись олени. Подолгу прислушивались, тихо шевеля ушами, готовые кинуться на того, кто подойдет к запретному месту. Затихла природа, будто знала, как оленухе было трудно, как она глубоко дышала, терлась мордой о снег. И глаза ее неподвижно и остекленело смотрели прямо. Из рта стекала и путалась в шерсти паутинка слюны. Вдруг ворона слетела,

согнув шею и направив косо клюв, сделала большой круг. Громко закаркала. Вдали ей отозвались другие вороны. Этот птичий переклик и услышала Федосья. Пошла на него. Ворон будто ветром отнесло. Черными комьями облепили они листовницу. Зорко следили за копошащимися внизу матерью и сыном. Поджидали, когда она, облизав олененка, поднимет его на ноги и оставит на снегу корм...

А у оленей, что окружали кусты марника, прибавилось смелости. Волк или рысь подойдет, не стронутся они безоглядно, как это делали в другое время. Хорохорятся. Ничего, что слабоваты для схваток со зверями — посильнее да похитрее те. Давно уже ушел от них тот единый порыв — сниматься с пастбищ и искать спасения в беге, с тех пор как они стали жить рядом с человеком. Но иногда в них просыпалось дикое. Молоденьких и слабых загоняли в середину, сильные и рогатые становились по краям, били копытами по земле, хрипло хоркали. Ряды их все же расстраивались. Часть оленей не выдерживала, рассыпалась по лесу, неслась к стойбищу под более надежную защиту. Хорошо это постигли волки. Они безоглядно врзались в стадо, разбивали его на отдельные кучки, и уже легче было настигать растерявшихся оленей, которые ошалело мечутся, не зная, куда приткнуться, силы у них слабеют на глазах. Но другими были олени, когда видели, что рождается новая жизнь. Смелели, были злее. И настоженно следили за кустами марника. Ведь там двое совершенно слабых и беззащитных. Инстинкт бережения рода говорил им: надо сохранять их даже ценой собственной жизни...

Оленуха долго лизала, подталкивала мордой олененка. Проверяла, каков он: боек или вял, сумеет ли постоять за себя. Мало времени отпущено оленю на взросление. Нельзя долго залеживаться на снегу появившемуся на белый свет.

Когда олененок ощутил свет, стал различать то, что его окружало, он как бы еще оставался глухим. Еще не дошла очередь до слуха. Первое движение, которое он сделал, — поднял мордочку. Она лежала на снегу, и губы стали подмерзать. Обнюхал все, что можно было обнюхать: шерстку на ногах, копытца, грудь. Испуганно отдергивал мордочку, если прикасался к чему-нибудь

незнакомому, как будто обжигался. Так задел он ветку марника. Сучок процарапал ему ноздрю. Олененок замотал головой, стараясь стряхнуть боль и неловкость. И опять наткнулся на сучок. Теперь он стал остерегаться его. И уже в сторону веток не тянулся.

Было начало весны. Снег за ночь крепко смерзался и размягчался лишь к полудню, становился рыхлым и подвижным и почти сплошь состоял из отдельных льдинок, которые, оседая, звенели и рассыпались.

Олененку нужно было повернуться, а не получалось. Чесался бок, и он не знал, как унять зуд. Выпростал изпод брюха ногу, копытцем уперся в снег, сугробик сдвинулся, покатился и стал растекаться. Олененок задвигал ушами. Это было что-то новое. Теперь он и чуял запах, и одновременно ловил звуки. К некоторым уже привык: они были постоянные. И вдруг вздрогнул: до него дошли хруст и стук. Он уже умел поворачивать голову: глянул назад — увидел мать. Она кружила возле него. Олененок забрал в себя воздух, подержал его в ноздрях: запах знакомый, так же пахнут его ноги и он сам, ничего страшного. Однако беспокойство матери и ему передалось. Олененок поставил уши, мордочкой затыкал вокруг. Сделал неловкое движение и перевернулся на бок. Он не подозревал, что лежал на бугорке. И вот теперь скатился в маленькую ложбинку. Ноги у него были свободны и сами собой задвигались в воздухе. Но в таком положении невозможно долго находиться: неудобно. Попробовал перекатиться. Получилось. Копытца ударились легонько о снег и удержали его. Дальше этого он не пошел. Олененок еще не знал, что при помощи ног можно вставать, ходить, бегать и какое это счастье. Что ж, и оно впереди, вот-вот придет. Зато он научился различать бугорок, ветки, снег, себя и мать, прислушиваться к звукам. Это были уже ступеньки к тому, чтобы встать на ноги. Совсем немного его отделяло от этого...

Может быть, и сам бы он чуть попозже спокойно попытался бы выбросить ноги вперед, опереться на них и встать, но случилось такое, что пришлось поторопиться. Мать, облизывавшая его брюшко, подняла морду, заходила опять вокруг, резко ткнула олененка. Он не мог понять, что произошло с ней. Где языком, где мордой оленуха давала знать, что пора подниматься на